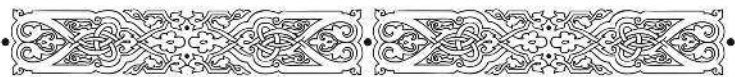

РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ

ВИКТОР
ПОРОТНИКОВ

Добрыня Никитич

ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ!

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П59

В оформлении переплета
использована иллюстрация художника
И. Хивренко

Поротников, Виктор Петрович.

П59 Добрыня Никитич. За Землю Русскую! / Виктор Поротников. — Москва : Эксмо, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-04-088543-5

Захватывающий исторический боевик впервые обращается к истокам легенды, показывая прославленного богатыря Добрыню Никитича не сказочным героем, а живым человеком.

Князь Владимир не одолел бы старшего брата Ярополка в борьбе за власть без помощи своего дяди, наставника, соратника и воеводы Добрыни, ставшего прототипом былинного богатыря. Это Добрыня разгромил Ярополка в кровавой сече на реке Друч и возвел племянника на киевский стол. Это он был правой рукой и неусыпным оком Владимира Красно Солнышко все четверть века его правления, оберегая князя от заговоров и мятежей, разбив печенегов, ятвягов, поляков, волжских булгар, укрепив границы Руси и объединив славянские племена в могучее государство, чтобы навсегда остаться в народной памяти былинным «храбром», непобедимым богатырем, защитником Русской Земли, легендарным Добрыней Никитичем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088543-5

© Поротников В.П., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Открываю «Сборник русских былин» Кириши Данилова и читаю о подвигах былинных богатырей, среди которых особняком стоят Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Меня давно занимает героический образ Добрыни Никитича. Я обращаюсь к древнерусским летописям, пытаюсь отыскать там реальный исторический прототип былинного Добрыни. В летописных анналах я обнаружил двоих Добрынь. Первый доводился дядей Владимиру Святому, крестителю Руси. Второй был воеводой Владимира Мономаха. Первый жил на Руси в X веке, второй жил в XI веке. Оба Добрыни были выдающимися людьми для своего времени, на основе их славных деяний народная молва вполне могла измыслить сказочные былины, объединив двух этих мужей в образе одного богатыря-исполина. Неувязка состояла лишь в том, что по отчеству оба реальных Добрыни были не Никитичи. У первого Добрыни отца звали Микулой, у второго — Рагуилом. Былинный же Добрыня всюду значился Никитичем, и никак иначе.

Специалисты по древнерусскому фольклору и ономастике пришли к выводу, что отчество «Никитич» скорее всего преобразовалось из отчества «Микулович», так как в древней Руси имя Никита обычно произносилось как Микита или Микеша. Да и по деяниям своим Добрыня Микулович заметно превосходит Добрыню Рагуиловича. Будучи наперсником юного князя Владимира, Добрыня Микулович ходил в походы на печенегов, ятвягов, поляков, волжских болгар... Он ставил крепости на южных рубежах Руси, вел переговоры с правителями соседних государств, насаждал христианство среди кривичей и словен ильменских.

Работая над этой книгой, я взял за основу жизнь и реальные деяния Добрыни Микуловича, дяди Владимира Святого.

ЧАСТЬ I

Глава первая НЕДОБРЫЕ ВЕСТИ

Слух этот разнесли по торжищу греческие и варяжские купцы, прибывшие в Новгород из Киева по высокой весенней воде.

Юный новгородский князь Владимир побледнел и изменился в лице, когда чашник Рацлав, побывавший с утра на торгу, взволнованно поведал ему о том, что, по слухам, его сводные братья Ярополк и Олег, рассорившись, обнажили меч друг на друга.

— В сече дружина Ярополка порубила дружину Олега, — торопливо молвил Рацлав, прислуживая князю Владимиру за утренней трапезой. — Пал в той битве и князь Олег Святославич. Отныне Ярополк владеет не токмо Киевом, но и Древлянской землей.

Владимир резко отодвинул от себя блюдо с моченой брусникой и швырнул на стол деревянную ложку.

— Кликни ко мне Добрыню, — приказал он, схватив чашника за широкий рукав белой рубахи, — да поживее!

Рацлав отвесил князю поклон и торопливо удалился из трапезной.

Две молодые челядинки в длинных льняных платьях, с волосами, заплетенными в косы, растерянно замерли у бревенчатой стены в трех шагах от стола с яствами. Им надлежало подкладывать князю кушанья в тарелку, уносить объедки и подливать в его чашу сладкую медовую сыту. Поскольку Владимир не прикасался к еде, нервно расхаживая по скрипучим березовым половицам, обе служанки оказались как бы не у дел. Девушки молча переглядывались, не решаясь заговорить с князем-отроком, видя его хмурое, сосредоточенное лицо. Обычно Владимир был всегда весел и разговорчив.

Добрыня доводился Владимиру дядей, будучи родным братом его матери, которая ныне жила под Киевом, в селе Будутине.

Едва Добрыня переступил высокий порог трапезной, как Владимир устремился к нему с раздраженным возгласом:

— Ну, где тебя носит, дядюшка! Ведомо ли тебе, какие вести принес Рацлав с торжища?

— Ведомо, княже, — спокойно промолвил Добрыня, положив свою сильную руку племяннику на плечо. — Сядь, дружок. Не кручинься раньше времени. Все это лишь слухи. Купчишки всякое наплести могут. Вот придет гонец из Киева от друзей моих или от матери твоей, тогда и узнаем доподлинную правду, чем завершилась распря между братьями твоими.

Во внешности четырнадцатилетнего Владимира и тридцатичетырехлетнего Добрыни было заметно явное сходство. И дядя и племянник имели темно-синие широко поставленные глаза, высокий открытый лоб, прямой нос, широкие скулы и крепкий выступающий вперед подбородок. Правда, у Добрыни волосы были темно-русые, а у Владимира светло-пепельные.

Добрыня мягко, по-отечески убедил Владимира сесть за стол и продолжить трапезу. Он сам тоже сел к столу и, очищая от скорлупы сваренное вкрутую куриное яйцо, завел с племянником речь о том, что какие бы события ни происходили на белом свете, а от вкушения пищи никакому человеку отказываться нельзя. Владимир, внимая дяде, нехотя взялся за ложку.

Уловив чутким ухом, как скрипнули ворота и под окнами трапезной протопали по деревянному настилу чьи-то тяжелые торопливые шаги, Добрыня поднялся со стула и направился к выходу.

— Как откушаешь, племяш, писанием букв займись, — со строгим назиданием обронил Добрыня. — Ты — князь, а посему обязан в письме и чтении быть смысленнее бояр своих. Грамотей Силуян говорит, что ты от занятий отлыниваешь. Негоже так поступать, дружок. — Погрозив Владимиру пальцем, Добрыня скрылся за дубовой дверью.

Спеша встретить столь раннего гостя, Добрыня чуть не бегом устремился по полутемному переходу к сеням. Он чувствовал, что гость этот пожаловал явно неспроста. Выскочив из терема на

высокое крыльцо, укрытое сверху тесовым навесом, Добрыня столкнулся лицом к лицу со своим тестем, боярином Туровидом. Тот счищал куском бересты жирную грязь, налипшую к его яловым сапогам.

— Здрав будь, отец мой, — вымолвил Добрыня. — Где это ты в эдакую грязь влез? Ведь от твоего дома до наших ворот весь путь еловыми бревнышками выложен. Нету там ни луж, ни грязи.

— С торжища я к тебе пришел, зять, — ответил Туровид. — Дабы сократить дорогу, поспешал я сюда не прямыми улицами с деревянной мостовой, а грязными кривыми переулками. — Туровид поднял на Добрыню глаза, полные тревоги. — С плохими вестями я пожаловал к тебе, друже.

— Знаю, что ты хочешь мне поведать, — хмуро произнес Добрыня. — Мои челядинцы уже побывали на торгу, наслушались баек от киевских торговых гостей.

— Ну и что ты скажешь на это? — Плечистый бородатый Туровид пытливо заглянул зятю в глаза.

Добрыня оперся ладонями о высокие резные перила, ограждавшие широкую верхнюю площадку крыльца, и после краткой паузы промолвил:

— Не возьму я в толк, ежели честно, что могло довести Ярополка и Олега до кровавой распри, они же всегда друг за друга стояли горой. Владимира Ярополк недолюбливал, это верно, но к Олегу он относился с нежностью и дружелюбием. Олег всегда и во всем уступал Ярополку, как старшему

брату. Не пойму, какая собака меж ними пробежала. — Добрыня озадаченно пожал плечами, отчего на его длинной свитке, расшитой золотыми нитями, засияли блестящие искры в лучах утреннего солнца.

— Чует мое сердце, нехорошая каша заваривается в Киеве, — сказал Туровид, понизив голос. — Как бы не пришлось нам со временем эту кашу расхлебывать. Сегодня Ярополку Олег чем-то помешал, завтра ему Владимир будет не угоден. Смекаешь, зять?

Добрыня понимающе кивнул, обменявшись взглядом с Туровидом.

— Ладно, я пойду. — Туровид нахлобучил на голову шапку с меховой опушкой, которую он держал в руке. — Как там дочь моя? Здорова ли?

— Может, зайдешь, батюшка. — Добрыня сделал гостеприимный жест в сторону двери. — Посидим, выпьем хмельного меду. Мечислава будет тебе рада, да и Владимир тоже.

— В другой раз, зять, — проговорил Туровид, грузно спускаясь по ступеням крыльца. — Дел у меня много с утра. Кланяйся от меня Владимиру и Мечиславе.

На княжеский двор было не так-то просто попасть, вокруг со всех четырех сторон возвышался высокий частокол, у ворот день и ночь дежурили княжеские гридни. Туровида княжеские дружинники пропускали беспрепятственно, ибо знали, что он доводится родней Добрыне.

Мечислава, жена Добрыни, была на шестом месяце беременности, поэтому никуда не выходила

из терема. Обо всем, что творится в Новгороде, Мечислава узнавала от своей пронырливой служанки Заряны и от своих подруг, навещавших ее.

Мечислава вышла замуж за Добрыню в шестнадцать лет, повинувшись воле родителей, которые желали возвыситься над новгородской знатью, породнившись с могущественным дядей юного князя Владимира. Ни для кого в Новгороде не было тайной, что всеми делами заправляет Добрыня, который отдает распоряжения от имени князя и по своему усмотрению пользуется княжеской печатью. Гридней в княжескую дружину и челядинцев в княжеский терем подбирал опять же Добрыня.

Ученых людей, владеющих славянской грамотой и повидавших чужедальние страны, опять-таки подыскал Добрыня для просвещения своего племянника.

Ныне Мечиславе исполнилось семнадцать лет, и она собиралась разродиться своим первенцем.

Расставшись с тестем, Добрыня заглянул в покои жены. Он застал Мечиславу шушукающей со чем-то со своей любимой служанкой Заряной. По серьезным лицам Мечиславы и Заряны можно было понять, что слух о кровавой расправе между Ярополком и Олегом уже дошел и до них.

Добрыня не успел рот открыть, чтобы осведомиться у Мечиславы об ее самочувствии, как та опередила его вопросом.

— Свет мой, слышал ли ты про смерть Олега Святославича?

— Сие мне ведомо, милая, — нехотя ответил Добрыня.

— Что же теперь будет? — опять спросила Мечислава. — Неужто Ярополк не понесет никакой кары за убийство родного брата?

— А вот это уже не вашего ума дело, сороки! — раздраженно бросил Добрыня и, резко повернувшись, вышел из светлицы.

Сидевшие бок о бок на скамье Мечислава и Заряна недоумевающе переглянулись. Обычно Добрыня всегда был ласков со своей юной женой, приветлив он был и с Заряной, ценя ее за сметливый ум и умелые руки.

«Кто из бояр киевских осмелится осудить Ярополка за пролитие крови брата? Да никто! Наверняка кто-то из старшей дружины и подтолкнул Ярополка к этому злодеянию, — мысленно рассуждал Добрыня, удалившись в полутемные сени, пронизанные косыми потоками солнечного света, которые пробивались в помещение сквозь неплотно закрытые оконные ставни. — Туровид прав, в Киеве творится что-то неладное. Не мог Ярополк сам отважиться на убийство брата. За его спиной явно кто-то стоит!»

Терзаемый такими мыслями, Добрыня не находил себе места. Он понимал, что если кто-то внушил Ярополку мысль стать единовластцем на Руси, тогда угроза смерти в скором времени нависнет и над Владимиром. Убрав Владимира, Ярополк приберет к рукам Новгород, который по богатству не уступает Киеву. Добрыня сознавал, что дружина у

Ярополка гораздо сильнее, чем у Владимира. К тому же очень многие из новгородцев не станут сражаться с Ярополком, если тот пойдет войной на Владимира или просто прикажет ему уйти прочь из Новгорода. Ведь Ярополк — верховный князь на Руси, его воля — закон. Ярополк рожден княгиней Предславой, законной супругой ныне покойного князя Святослава Игоревича, а Владимир является сыном княжеской наложницы. Ярополк унаследовал киевский стол по праву рождения, Владимир же возвысился лишь по воле случая. В свое время, когда новгородцы просили у Святослава Игоревича дать им в князья одного из его сыновей, ни Ярополк, ни Олег не пожелали ехать в Новгород. Тогда новгородцы по совету Добрыни убедили Святослава Игоревича дать им в князья восьмилетнего Владимира.

С той поры прошло шесть лет.

«Неосмотрительно поступил Святослав Игоревич, уходя в свой последний поход к Дунаю и оставив блюстителями Руси сыновей-отроков, — размышлял Добрыня. — Теперь вот грозный Святослав Игоревич покоится в царстве мертвых, а его сыновья обнажают меч друг на друга. Коль так и дальше пойдет, то неминуемо развалится славянская держава, созданная могучим в рати Святославом Игоревичем. Ярополку далеко до отцовской дерзости и отваги, ему не одолеть ни вятичей, ни радимичей, коль те выйдут из-под его власти, не говоря уже про печенегов. Степняки еще доставят Ярополку хлопот!»

* * *

Прошло два дня, в течение которых Добрыня успел встретиться и поговорить со многими новгородскими купцами и боярами. Беспокойство, снедавшее Добрыню, одолевало и новгородскую знать, которая не желала быть в полной зависимости от Киева, но и страшилась войны с Ярополком. Выросший в Новгороде Владимир, Добрынин племянник, вполне устраивал имовитых новгородцев как местный князь. Владимир ни в чем не навязывал новгородцам свою волю, не вмешивался в их склоки и споры. Добрыню успокаивало то, что богатая верхушка Новгорода не желает менять Владимира на кого-то другого, и бояре новгородские были готовы прямо заявить об этом Ярополку, если у того вдруг возникнет намерение сместить Владимира с новгородского стола.

С тревогой в сердце Добрыня ожидал новых вестей из Киева. И вести эти вскоре пришли в Новгород вместе с очевидцами и участниками битвы, в которой Ярополк победил брата Олега. В Новгороде объявились уцелевшие в сече Олеговы дружинники, среди которых выделялись три мужа. Двое из них, Регнвальд и Харальд, доводились двоюродными братьями Ярополку и Владимиру. Третьего звали Добровуком, он был родом из сербов. Женившись на Тюре, сестре Харальда, Добровук вошел в круг киевской знати.

Эта троица, сойдя на пристани с корабля, сразу же предстала пред очами Добрыни.